

Будни тульского наблюдателя за общероссийским голосованием

Я участник движения «Голос», с 28.06 по 01.07 участвовал в Общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию России в качестве наблюдателя на участковом избирательном участке № 2345, и хотел бы поделиться своими впечатлениями по итогам этого наблюдения. УИК № 2345 это район в Туле, называемый Глушанки, особенность его в том, что он охватывает улицы, в котором находятся частные дома, где в большинстве живут пенсионеры.

Результаты голосования на участке:

- общее количество избирателей — 2023 человека;
- явка — 1141 чел, (56%) ;
- за — 77,8%, против — 18,9%, недействительных бюллетеней — 3,3%.

За две недели до голосования, в воскресенье, состоялось собрание участников движения «Голос» для обсуждения общей стратегии. Я для себя решил участвовать в наблюдении. Меня возмутило, с каким пренебрежением наш президент относится к Конституции, которая ограничивает его право баллотироваться на этот пост более двух сроков. Кроме того, выбор времени голосования — пандемии, на мой взгляд, никак не оправдывался существующей обстановкой и скорее говорит о его личных интересах, а не заботе о людях.

На собрание я пришел вместе со своим приятелем Володей, которого знаю много лет, и с которым меня объединяют общие интересы. Председательствовал Михаил Шестаков. Я далеко не самый активный участник движения, недостаточно знаком со всеми участниками «Голос», но сразу почувствовал, что попал в среду единомышленников. Условия предстоящего голосования кардинально отличались от тех, которые регламентированы в ФЗ-67: семидневное голосование, снятие ограничений на надомное голосование означало только одно - полный вывод из-под контроля наблюдателей всего процесса. Партия «Яблоко», команда Навального приняли решение бойкотировать голосование, справедливо предполагая, что искусственно создавая подобные условия, власти заранее готовы к масштабным фальсификациям, и только снижение явки — единственный параметр, который сложно фальсифицировать, может продемонстрировать протест. Часть комиссий УИКов публично отказались проводить кампанию в таких условиях, понимая с какими рисками для жизни и здоровья могут столкнуться. Не существовало никакой единой стратегии со стороны гражданского общества участвовать в наблюдении или объявлять бойкот. Учитывая общее желание всех пришедших именно к действию, понимая, что каждое голосование, это бесценный опыт, а неучастие – потеря квалификации, мы не стали терять время на дискуссии по этому вопросу, а решили действовать, сразу настроились на деловой лад и на поиск решений. Решили сосредоточить усилия на

одном из УИКов, к этому вынуждало немногочисленность участников движения. Конечно, с такими силами невозможно говорить о полномасштабном наблюдении, к тому же за такой растянутый период, но если нам удастся полностью проконтролировать хотя бы один УИК, то можно будет продемонстрировать результаты подконтрольного голосования на фоне общей картины. Выбран был участок, где по результатам прошлых выборов наблюдались масштабные фальсификации. Эта стратегия себя оправдала, в дальнейшем по результатам этого наблюдения на сайте «Голоса» был [опубликован материал](#). Я лично участвовал в наблюдении на другом участке, где условия отличались, поэтому эти данные мне особенно были интересны, они дополняют мой личный опыт, о чем я расскажу.

После этого собрания произошло событие, которое чуть не сорвало все мои планы по участию в наблюдении. Через три дня я почувствовал легкое недомогание, померил температуру — 37,3. Время тревожное, эпидемия, заставляет остро реагировать на такие факты, но решил не поддаваться панике. Всякое бывает, на огороде поработал, я живу в частном доме, может, подхватил легкую простуду. Вечером того же дня температура нормализовалась. Однако на следующий день картина повторилась. Так непонятная болезнь вмешался в мои планы. На собрании «Голоса» накануне я все время был в маске и соблюдал все необходимые меры, но всё же первым делом написал наблюдательский чат в телеграме о своих подозрениях, чтобы все участники были проинформированы. Дальше обратился в поликлинику, все оказалось не так просто потому, что живу я в одном месте, а прописан в другом. Ну, доехать до своей поликлиники на своей машине проблем нет, но если диагноз подтвердится, мне светит амбулаторное лечение и изоляция по месту проживания, а врачи из моей поликлиники не обслуживают пациентов из другого округа на дому. Пришлось улаживать все эти формальности. Время идет, пришел в поликлинику по адресу проживания, сдал анализы, стал ждать результатов теста. А в это время мои коллеги по движению активно регистрировались в Общественной палате (еще одно нововведение), в качестве наблюдателей преодолевая все встающие на их пути проблемы, активно обсуждая все детали в чате.

В обычной жизни, я вряд ли обратил внимание на это легкое недомогание, и со спокойной совестью пошел бы наблюдать, но сейчас идти на УИК и заразить всю комиссию не хотелось. Своему приятелю Володе я с сожалением написал, что с учетом ожидания результатов теста на ковид, а затем ожидания решения Общественной палаты по регистрации наблюдателем, похоже я выпадаю из наблюдения. Чувство неприятное, я понимал, какие усилия предпринимают волонтеры, чтобы выполнить задуманную миссию, и каждый человек на счету, и вот так подвести всех. Никто, конечно, не упрекнет.

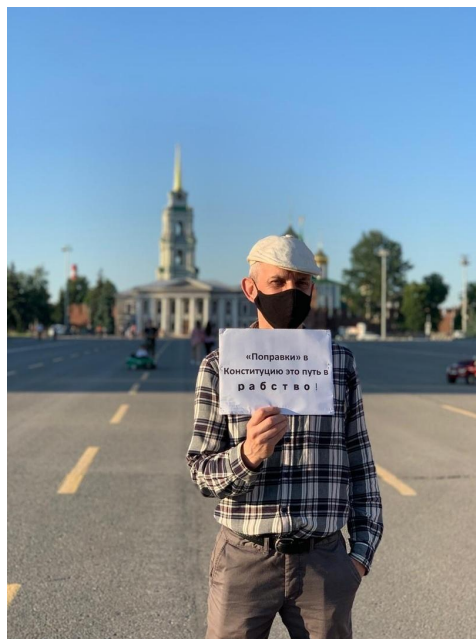
За неделю до начала голосования я получил вожденную справку. Курс антибиотиков не оставил и следа от простуды. С Володиной помощью я в ускоренном режиме подготовил необходимые документы в ОП. Документы приняли без лишних проволочек. Осталось ждать. Сколько? Все зависело от усмотрения комиссии

Общественной Палаты, это еще один фильтр на пути независимых наблюдателей. Сам процесс шестидневного предварительного голосования уже шел своим ходом.

Наши власти любят соблюдать внешние признаки демократических процедур. Ни один из УИКов не останется без наблюдателей. Об этом я узнал еще из прошлого опыта работы наблюдателем в 2018 году во время президентских выборов. Когда я был на этих выборах, я видел на участке немолодых тетушек, которые сидели рядом и изображали из себя наблюдателей. Мое желание наладить с ними контакт для совместного наблюдения не всегда приводило к желаемому результату. Позже я выяснил все-таки, что наблюдателей этих направляет «Единая Россия». Обычно эти люди из работников ЖЭКов или их знакомые. За «наблюдение» они получают некоторую сумму денег, никаких функций на них не возлагается, главная задача отсидеть положенное время, и ни во что не вмешиваться. Вот таких статистов, как рассказал мне Володя, Общественная Палата пропускала пачками.

Чтобы не чувствовать себя лузером, даром пропустившим общественно важный момент, я решил выразить свое «фи» к процессу голосования и сходить на одиночный пикет. Смастерил плакатик, и пошел на площадь. Решение это у меня созрело еще до пандемии во время первой попытки провести голосование по своему обнулению. Тогда до дела так и не дошло, одни выходные я пропустил, а на следующих голосование уже было перенесено на неопределенный срок. Надо сказать, что первый такой выход открыто выразить несогласие с властями для законопослушного человека, не привыкшего к публичным акциям, у нас в стране равносильно небольшому личному подвигу. Никакие конституционные законы не гарантируют преследования представителей «закона». Пойти на это меня могла только полная убежденность в правоте совершаемого действия, жизненный опыт существования в Советском Союзе, знакомство с историей страны, включая большевистско-сталинский период, прочтение многих правильных книг и многочисленные размышления, которые сформировали меня как личность. Все это давно показало мне разницу между ничем не деланием, разговорами «на кухне» и совершением конкретных дел, для того чтобы завоевать свое право быть человеком.

Как-то мыслишь себя в связи с потомками в таких ситуациях. И чтобы предъявить потомкам, что я не зря прожил отпущенное мне время, и в меру сил участвовал в их «светлом будущем», хочется иметь документальное подтверждение этого акта, хотя бы в виде фоточки в семейный альбом. Есть такая слабость. Поэтому мне пришлось привлечь к этому свою дочь Анастасию. Нет, не в качестве участника, конечно. Я вполне понимал, что в прелестной головке моей 18-летней дочери студентки витают совсем другие мысли, далекие от моих гражданских «подвигов». На всякий случай я детально и подробно ее проинструктировал стоять на расстоянии, не приближаясь, никак не вмешиваться, и быстро уносить ноги в случае «шухера».

24.06.20 после парада одиночный пикет на главной площади г. Тулы

Все прошло без каких бы то ни было эксцессов, к нашему общему с Настей удовлетворению и обретению мною личного чувства облегчения от осознания выполненного долга.

В воскресенье утром позвонили из общественной палаты, мое заявление одобрено, можно приезжать за удостоверением наблюдателя. Это было неожиданно, за три дня до этого, когда приехал в ОП, очень милая девушка приняла меня в приемной, представилась Дарьей, дала номер телефона, сказала ждать решения рабочей группы. Звонил на следующий день — в субботу с утра, она сказала, что рабочая группа еще не собиралась, звонил во второй половине дня, мне ответили, что решения еще не было. На вопрос про воскресенье, сказали, что рабочая группа по воскресеньям не собирается, теперь в понедельник. И тут вдруг сами позвонили, да еще в воскресенье! Когда приехал в Палату, меня снабдили кипой документов под названием «Золотой стандарт наблюдения», выдали удостоверение и визитку с контактным телефоном. Ничем этим я впоследствии не воспользовался, но «Золотой стандарт» прочитал, чтобы скоротать время в процессе наблюдения.

Тем же днем поехал на свой УИК в школу в Криволучье. На входе были развешены разноцветные плакаты и звучала бравурная музыка. На УИКе председатель комиссии Надежда Алексеевна, она же по совместительству заместитель директора школы, встретила меня как родного. Два года назад во время президентской кампании я был

членом комиссии с совещательным голосом на этом же участке. Поскольку среди всех присутствующих тогда в реально наблюдал только я один, поэтому и запомнился.

— Надеюсь, на этот раз у нас с вами не будет взаимных претензий. Ну, в самом деле, у меня на участке и флаги вывешены, и избиратели уходят в хорошем настроении. Чего придираться-то? — задала она вопрос во время нашей приветственной беседы.

— Что вы, Надежда Алексеевна, у меня и в мыслях не было придираться, у нас с вами общие цели — провести честное и прозрачное голосование, — тут же ответил я, не моргнув глазом.

— Ну, вот и прекрасно, — сказала Надежда Алексеевна, перейдя на деловой тон, — тогда и приступим. Татьяна Вячеславовна, наш секретарь, оформит вам все необходимые документы. Она указала мне на стол секретаря комиссии.

У Татьяны я затребовал копии актов о проведении досрочного голосования, и пока она распечатывала и делала копии, я стал осматриваться. Прозрачная урна в центре зала, в которой уже лежали бюллетени. На правой стене зала, висят большие зеркала, вдоль стоят две зашторенные кабинки для голосования, а рядом с высокими окнами на улицу, расположился ряд столов, за которыми сидели члены комиссии с книгами избирателей. У входа в зал расставлены стулья для наблюдателей. На них уже сидели «тетушки», все знакомо. Мне тут же поставили дополнительный стул, почему-то впереди всех остальных, так, что я оказался единственным, в первом ряду. Ну ладно, буду солировать в этом хоре. Секретарь выдала мне требуемые акты и документы. Ей же я подал заявление на фото- и видеосъемку. Весь перечень требуемых документов уже был согласован с юристами «Голоса», ребята там подкованные, отлично разбираются в тонкостях избирательного процесса и хорошо оказывают поддержку наблюдателям в оперативном режиме во время голосования. Задачу на сегодня, которую я себе поставил, а именно представиться, познакомиться с обстановкой, подать и получить нужные документы, я уже выполнил, но поскольку до окончания дня голосования осталось не так много времени, решил досидеть до конца.

Я занял свое место. На участке царила деловая атмосфера, роли членов комиссии были распределены и каждый занимался своим делом. Попутно шла дискуссия, которая очевидно была, прервана из-за моего появления.

— ...так что все поправки уже приняты, и это голосование не имеет смысла, мы можем закрыть нашу контору и разойтись по домам, — о произнес школьный программист Роман. На прошлом голосовании он исполнял роль оператора КОИБа. Тогда эта техника еще только появилась и охотно делился тогда со мной тонкостями регламента и процедуры использования КОИБов для подсчета голосов. Это вызывало

неудовольствие у председателя комиссии. Надежда Алексеевна все время останавливала его, считая неуместным посвящать в работу комиссии посторонних неподотчетных ей членов с ПСГ.

— Ничего подобного, — в спор вступила Татьяна, — по закону поправки будут приняты, только если за них проголосует больше половины участников голосования, не правда ли, Алексей Федорович? — она неожиданно обратилась ко мне и уставилась с таким испытывающим взглядом, как экзаменатор на экзамене.

— С формальной точки зрения да, закон подписан президентом, — начал я рассуждать, — но с точки зрения юридической, разве президенты могут изменять под себя существующие юридические процедуры, на которых базируется основной закон государства? Это тогда любой новый президент может прийти и изменить государственный строй, и завтра мы окажемся при монархии. Конституция может быть изменена только на всенародном референдуме, а это совершенно другая процедура. На референдуме невозможно принимать все поправки скопом, люди четко должны представлять, за что они голосуют. Референдум считается состоявшимся, если на него приходят более 50% избирателей, подготовка к нему должна проходить длительное время, в течение которого стороны За и Против должны быть представлены, помните, как это происходило в Англии за выход из Евросоюза? Три года обсуждали. А у нас что? Сколько народу проголосуют, не имеет значения, даже если одну роту солдат по приказу приведут на участок, а остальной народ проигнорирует, Конституция будет изменена. В телевизор у нас независимую оппозицию не допускают, митинги запрещены из-за пандемии, никакая состязательная дискуссия невозможна. Поэтому да, я согласен, существующее голосование нелегитимно, и мы можем закрываться и идти домой.

— Так, Алексей Федорович. Прекратите агитацию на избирательном участке! — резко поднявшись и выйдя из-за стола, вмешалась председатель комиссии Надежда Алексеевна.

— А я и не агитирую, меня спросили, я ответил, — я пожал плечами и стал листать выданные мне документы.

— Роман Андреевич, Татьяна, Вячеславовна, займитесь-ка лучше своим делом, — Надежда Алексеевна стояла посередине зала и строго глядела то на одного, то на другую.

Татьяна уткнулась в монитор компьютера, а Роман переключился на разговор с коллегой.

Я досидел до конца вечера, а дома отсканировал акты, на всякий случай.

В понедельник я приступил к дежурству с самого утра. Потихоньку стали приходить первые голосующие. Стал ставить считать явку. Желающих проголосовать особо не было, поэтому решил разобраться с актами досрочного голосования. Поскольку это первый случай многодневного голосования, на нем используются новые технологии. Во время дня голосования те избиратели, которые приходят на участки, опускают свои бюллетени в стационарную урну. На этом голосовании также широко использовалось надомное или выездное голосование. Для этого используют специальные мобильные урны, тоже пластиковые прозрачные ящики, но размером поменьше. Для надомного голосования также необходимы два члена комиссии и два наблюдателя. Мои «тетушки статисты» охотно соглашались сопровождать комиссию для надомников, поскольку сидеть в душном классе мало кому хочется. Кстати эти окна – отдельный разговор. Погода стояла жаркая, и когда в огромные окна актового зала, который превратили в избирательный участок, во второй половине дня заглядывало солнце, в зале наступало пекло.

— А почему сняли шторы? - спрашиваю я.

— Потому что пожарная инспекция запретила.

Ну, правильно, как всегда проблему решили наполовину, от пожара обезопасили, а что будет с людьми, вопрос десятый.

Так вот, это надомное голосование является отдельной и серьезной претензией со стороны наблюдателей, поскольку контролировать его невозможно. До этого пресловутого голосования по поправкам в Конституцию, в законе было ограничение для надомного голосования. Теперь все ограничения сняты, везде по городу, висели объявления с приглашением позвонить в избирком, чтобы любой желающий мог вызвать комиссию к себе на дом. Буквально накануне, перед тем, как я начал наблюдать, ко мне в дом пришла выездная бригада с УИКа и любезно предложили мне проголосовать. Я отказался, поскольку это было принципиально невозможно, я прописан по другому адресу, и они пошли к моим соседям. Вот такой массовый чес. В составе этой выездной комиссии даже не было наблюдателей, два человека, а это минимальное количество — члены от комиссии.

Я уже говорил, что на моем участке в Глушанках в частных домах в большинстве своем живут пенсионеры. Эта группа населения в массе своей придерживается традиционно-архаичных взглядов, вынесенных еще из советского периода, когда

голосование не подразумевало выбор, а исключительно подтверждение лояльности начальству. Этот фактор широко используется властями и под него задействуются административные механизмы для вовлечения именно этой части населения в голосования и выборы, и естественно, все это прикрывается пресловутой «заботой об удобстве для населения». Для сравнения: в 2018 году, когда я наблюдал на этом же участке во время президентских выборов, общая доля выездного голосования составляла 15%, на нынешнем голосовании она уже составила 37%. Я согласен, что каждый гражданин имеет право выразить свое, пусть даже кому-то кажется ошибочное мнение, но когда силами административного ресурса идет массовая охота за конкретными голосами, это уже искажает общую картину мнения граждан.

По окончании каждого дня голосования бюллетени из переносных урн, на моем участке их было три, пересыпали в сейф-пакеты, которые печатавали и убирали в сейф. То же самое происходило и со стационарной урной в помещении для голосования. При этом комиссия составляла соответствующие акты. Количество бюллетеней нельзя было пересчитывать непосредственно вручную. Вообще трогать бюллетени до окончания голосования и подсчета итогов в последний день голосования, никто, в том числе члены комиссии не имеют право. Сам процесс пересыпки бюллетеней из урн в пакеты проводили публично в присутствии наблюдателей.

А если бюллетени нельзя пересчитывать, то их количество в переносных урнах определялось косвенным путем. Перед выездом на надомное голосование членам комиссии выдавалось определенное количество бюллетеней, сообразно количеству заявок и по количеству возвращенных бюллетеней определялось число тех, которые в урнах. Числа фиксировали в актах, которые составляли в конце дня. Именно изучением этих актов я и занялся. Избирателей в течение дня было немного, и смотреть там было особенно нечего.

Изучая документы я обнаружил ошибку в одном из актов. Она была не фатальная, цифры по количеству полученных бюллетеней, неиспользованных и выданных сходились, но в письменной расшифровке в акте вместо числа выданных, стояла расшифровка числа неиспользованных бюллетеней. Ну, замоталась секретарь комиссии, перепутала строчки, человеческий фактор. Что с этим делать? Это серьезное нарушение в протоколе, потому что цифры в нем могут трактоваться двояко. Решил проконсультироваться с юристами «Голоса», переслал копию акта в чат наблюдателей, благо я вчера вечером отсканировал все документы, и они были у меня в электронном виде. Пусть решают и подскажут необходимый алгоритм действий. Реакция была неоднозначной, сначала со мной согласились, что ошибка носит чисто формальный характер и можно решить ее формальной процедурой. Но потом предложили подождать и сказали, что ко мне приедет подмога.

Ко мне приехал Дмитрий Разуваев. Предварительно мы с ним в чате договорились встретиться у здания школы. Я предположил, что мы обсудим план действий по моему

кейсу с актами, но никакого «стратегического» плана не было. Я его просто провел на участок и представил председателю комиссии Надежде Алексеевне как корреспондента ИА «Время». Дальше суть диалога и реакция мне не до конца была понятна, Дмитрий попросил показать ему простые документы и озвучить цифры явки, Надежда Алексеевна почему-то отказалась, хотя незадолго до этого открыто объявляла сама эти цифры в присутствии наблюдателей, да и вообще никакого секрета в них нет. В результате она вызвала представителя вышестоящей комиссии, несмотря на замечание Дмитрия, что по закону, председатель УИК на момент выполнения своих обязанностей имеет право и обязан принимать самостоятельные решения, а не согласовывать с ТИКом. Короче диалога так и не получилось и стороны разошлись «крайне не удовлетворенные друг другом».

Тем не менее, Дмитрий уходя очень помог грамотно составить заявление. А именно формальное, со ссылкой на закон, юридическое основание моих претензий к комиссии, и требование в рамках процессуальных действий избирательной комиссии решения по исправлению выявленной проблемы. Такой юридически грамотный документ самостоятельно, составить было достаточно сложно. Вернувшись на участок, я почувствовал холодок и некоторое особое внимание к своей персоне. Конечно, всем была ясна моя связь с корреспондентом и связанную с этим повышенное внимание к участку. Ну что ж, это правильно, мне не нужно панибратски дружеское внимание к моей персоне. Мои задачи и задачи комиссии могут и даже должны во многих аспектах различаться. И я могу быть только благодарен случаю, который расставил все точки над в этом вопросе.

Вернувшись, я написал заявления в двух экземплярах. С этим документом подошел к председателю комиссии и во всеуслышание заявил, что заметил нарушения по ходу голосования. Эти нарушения у меня сформулированы в заявлении. Надежда Алексеевна не стала вникать в суть документа, а отправила меня к секретарю для разбирательства. Ей я объяснил суть претензии по неправильно составленному акту. Подняв документы, она воочию убедилась в допущенной ошибке. И тут уж процесс закрутился, потому что в моих требованиях по исправлению ситуации значилась необходимость в присутствии членов УИК с правом решающего голоса и наблюдателей проверить количество бюллетеней в указанном мною сейф-пакете. А это означало вскрытие пакета, инцидент неслыханный в практике избирательных комиссий. Все сейф-пакеты должны вскрываться только при подведении итогов в последний день голосования. Опять вызвали представителя территориальной комиссии. Долго согласовывали и решали что делать. И пришли к такому решению: вызвать всех отсутствующих членов комиссии и наблюдателей, в присутствии которых был составлен и подписан ошибочный акт, в самом акте внести исправление с надписью «исправленному верить» и вновь поставить членами комиссии и наблюдателями подпись, а саму проверку количества бюллетеней провести по окончании времени голосования в последний день при подведении итогов. Меня такое решение устроило, мне выдали итоговый документ с решением комиссии, а также копию исправленного акта. На этом данный инцидент был исчерпан.

Кажется, решение удовлетворило всех. Похоже, замеченная мною во время ошибка, пошла на пользу и самой комиссии. Ведь это же формальность, а формальности у нас любимый объект для критики со стороны начальства. Может быть это, может быть что-то еще, но отношение ко мне со стороны Надежды Алексеевны вдруг внезапно потеплело, и она даже стала ставить меня в пример и хвалить, обращаясь не только к членам комиссии, но и к наблюдателям статистам. Впрочем, ко мне прочно закрепилось настороженное отношение, все «лишние» разговоры в моем присутствии сами собой прекращали.

К вечеру поток посетителей заметно снизился, минут 20 никто на участок не заходил. И тут в зал входит древняя старушка, опираясь на палочку. Оглянувшись, она неуверенно остановилась в дверях, не понимая, куда дальше идти.

— Идите сюда, — позвала ее девушка, сидящая за столом со списком избирателей член комиссии.

— У вас какой адрес?

— А?

— У вас адрес какой, бабушка?

— А-а, с Крылова я, — она назвала свой адрес.

— Вам сюда, — ей показывают на стул, напротив женщины, в чей список входит названный адрес.

— А фамилия ваша?

- А?

— Как вас зовут, бабушка? — уже напрягая голос, произносит женщина, затем записывает данные и по словам начинает разъяснять. — Вот вам, Мария Николаевна, пакет, там ручка и бюллетень, распишитесь здесь, напротив вашей фамилии.

— Ой, а как мне писать-то, милая? — непонимающе спрашивает бабушка.

Член комиссии встает из-за стола, достает из пакета ручку и буквально вставляет ее в руку пожилой женщине.

— Вот здесь подпишите. А это бюллетень, идите в кабинку, вот там за шторкой, сделаете отметку и опустите бюллетень в урну.

— А где писать-то? — Мария Николаевна беспомощно держит в руках бюллетень, не понимая, что от нее хотят.

— Вы за поправки, или против? Вот в этих квадратиках поставьте галочку.

— Чево? — переспрашивает бабушка.

— Ну, вы за Путина или против?

— Я за, только вы уж мне помогите, а то я не знаю, где писать.

— Бабулечка, милая, мы не имеем права вам помогать, вы сами должны поставить отметку. У вас есть кто-нибудь, кто вам может помочь, сопровождающий?

— Нет, одна я, ты уж помоги мне, милая, — в голосе старушки звучит мольба.

— Надежда Алексеевна, что делать? Мы не имеем права помогать или подсказывать избирателям.

- Давайте подождем, кто-нибудь другой из избирателей подойдет, — предлагает Надежда Алексеевна, но уже минут двадцать на участок никто не заходил и неизвестно когда придет.

В зале повисла пауза. Ситуация патовая. Все смотрят на меня, и я осознаю, что решение только за мной. Ну и ситуация, мне жалко стало бабульку. Да черт с ними с формальностями, никакого фактического нарушения здесь не предвидится, я встал и вышел из зала.

Дальнейший вечер прошел без эксцессов. Я дождался окончания голосования в 20:00, и остался на процедуру выгрузки бюллетеней из урн в сейф-пакеты, тоже важный для наблюдения акт, поскольку потенциально можно во время этого действия подменить бюллетени из урн другими и запечатать их в сейф-пакеты. Нет, я не

обманивал себя ложным чувством моего всеохватывающего контроля. Боже мой, кругом столько неподотчетных мне моментов, во время которых можно сделать с бюллетенями что угодно, это и выездное голосование и мои отлучки, извините в туалет или перекусить, и, в конце концов, сейф-пакеты хранятся ночью в сейфе, а ключ у кого? Я не маньяк, охваченный всеобщей подозрительностью, и, в общем-то, склонен верить людям, и люди в комиссии и те же наблюдатели, мне тоже симпатичны, просто хочу выполнить свою задачу максимально эффективно. И я должен это сделать, не поддавшись ложному чувству успокоения. Ушел я домой около девяти вечера, забрав копии актов голосования за сегодняшний день. Это был первый полный день из недельного марафона. Интересно, хватило бы меня продержаться в таком режиме все семь дней?

Волонтерство хорошо, но и мою работу мне никто не отменял. Я IT инженер, предоставляю услуги системного администрирования и программирования удаленно, веду собственное ИП, и начальника, который меня отпустил, заменив собой или кем-либо другим, у меня нет, только клиенты. А клиенты работают на моих серверах, которые размещены на хостинге с удаленным доступом в дата центре. Захожу на сервера, и на тебе сюрприз, наблюдаю попытки несанкционированного доступа. Процесс тревожный, на кону мой бизнес. И так я заканчиваю работу во втором часу ночи. Ставлю будильник на 6 утра. Сна ни в одном глазу, перенасыщенный эмоциями день, в мозге бушуют мысли.

Мелодия будильника добралась до меня издалека, застав тело в состоянии глубокой фазы сна. Я давно живу без будильника, сам хозяин своего распорядка дня, и если не зарабатываюсь допоздна предыдущим днем, всегда встаю примерно в одно и то же время. Летом у меня помимо своей работы добавляются еще заботы по огороду. На время волонтерства я ограничился только поливанием огурцов в теплице, все остальные работы на потом. Пятиминутная зарядка, пробежка на огород с лейкой, завтрак и в школу наблюдать дальше.

На участке всех удивила Надежда Алексеевна. Она ворвалась в зал широким строевым шагом с бодрой песней, на ходу выделявая па руками, обозначающие физзарядку. У этой уже немолодой женщины свои представления как взбодрить команду, взятые, как я могу предположить, еще из опыта комсомольской юности, на посту начальника пионерлагеря. Все оживились, видно метод до сих пор работает, и только надетые маски скрывали улыбки на лицах присутствующих. Мой отупевший от недосыпа мозг, похоже, тоже получил пилюлю бодрости, спасибо Надежде Алексеевне.

Я быстренько набросал себе план действий. Для начала проверил книги избирателей. Криминала там найти никакого не надеялся, книги мне показали, правда, с расстояния, только из рук членов комиссии, поэтому, что там можно было выудить

непонятно, но для порядка сделал замечания об отметках карандашом, что было справедливо, ибо запрещалось.

Затем вниз на первый этаж школы, там выдают маски, обрабатывают руки санитайзером и измеряют дистанционным прибором температуру. Поинтересовался наличием отдельной комнаты для избирателей, пришедших на участок с температурой. Мне все показали, а также и график санобработки. Дальше, что меня больше всего интересовало, это викторина с призами. Участвовать я в ней не собирался, но разобраться, что она из себя представляет, надо. Накануне в СМИ объявили, что одна из избирательниц, оказавшаяся почему-то членом избирательной комиссии, выиграла квартиру. Также сообщалось, что в викторине разыгрываются машины, планшеты, и вообще обещали всем участвующим по призу. Кажется это настоящий подкуп избирателей. Похоже, наши власти не ограничивают себя в нарушениях демократической процедуры для организации голосования. И все, конечно, ради блага населения. Мне иногда просто хочется кричать: «Народ, очнитесь, ну неужели непонятно, что это чистой воды мошенничество!». Но, похоже, глубинному народу нравится, как и песни под гармошку на УИКах, роликами с этими концертами были заполнены все чаты наблюдателей. Викторина способствовала также кроме нагона явки, поименному контролю бюджетников, которых гнали на досрочное голосование. Это дикое нарушение, но происходит бесстыдно и повсеместно, и мне как наблюдателю на своем участке добавить к этому общеизвестному факту нечего.

Я попросил продемонстрировать мне пустые бюллетени, мне показали бюллетени, предназначенные для КОИБов. А народ голосует в обычные урны! Это как? Оказывается, на голосовании используется ноу-хау. Процедура такая — народ голосует в обычные урны, в конце дня бюллетени из них вытряхивают в сейф-пакеты, а в последний день голосования во время подсчета голосов из пакетов члены УИК сами будут все запускать в КОИБ. Эта процедура им спущена от ТИКа. Два неиспользуемых аппарата КОИБ стояли на сцене актового зала нашего участка. Они будут задействованы только в последний день голосования 1 июля.

Досрочное многодневное голосование, которое формально введено из-за эпидемии, в дальнейшем как «успешный опыт» собираются распространить на все последующие избирательные кампании. Это еще один грубый вид мошенничества, призванный вывести из-под контроля весь процесс. Нам предлагают «поверить на слово» в честность властей, которые конечно не будут трогать оставленные на ночь в сейфах бюллетени. Ну конечно, все из-за трогательной заботы об удобстве избирателей. Для справки, на моем участке в 2018 году было 0% досрочки, а в этот раз 77.8% избирателей проголосовали досрочно. И меня очень интересовала доля голосов «За» именно в этот неподконтрольный период голосования. На моем участке из-за КОИБов такой контроль невозможен. А вот на участке № 2515, где наблюдали коллеги из «Голоса», КОИБов не было и посчитать по отдельности всё удалось. «25 июня сторонников поправок оказалось более 95%, то 1 июля только 60%».

Следующим по моему плану было выездное голосование. Вообще ставлю себе задачу не столько охватить все тотальным контролем, это бессмысленно, сколько подробней ознакомиться со всеми сторонами процедуры. Сказал о своем намерении председателю комиссии, у остальных наблюдателей возражений не было. Вот уж не знаю, связано это с моим желанием или нет, но количество заявок на мой выезд рекордно низкое: всего семь против 30-50 в предыдущие дни.

Меня снабдили защитным халатом и пластиковым щитком для лица.

Вторым наблюдателем вызвалась скромная женщина Надежда. За все время, проведенное на участке, мне не удалось с ней обмолвиться ни словом. Теперь можно познакомиться поближе. В машине тесно душно. Едем по знакомым мне улочкам района Глушанки, оживленно беседуем с Надеждой. Непонятно кто мы отряд врачей, брошенных на подавление эпидемии чумы или участковая избирательная комиссия? Приезжаем на место, выходим из машины. Члены комиссии действуют по инструкции, даже дверной звонок на калитке предварительно обрабатывают антисептиком. Ждем избирателей, им выдают упакованный в пластиковый пакет бюллетень, там же квиток с отметкой посещения, в котором должен расписаться избиратель и ручка. Ручку просим оставить себе. Хозяйка уходит домой для заполнения, мы ждем. Возвращается. Квиток с росписью просим положить в отдельный пакет, бюллетень в переносную урну. Все бесконтактно. На все уходит 15-20 минут плюс переезды, а кого-то дома не оказалось. Как в предыдущие дни собирали до 50 бюллетеней, не понятно.

Возвращаемся обратно в школу. Перчатки, маски, халаты подлежат утилизации, а вот пластиковый щиток для лица я занякал. Пригодится в хозяйстве.

Время обеда, перекусить я вышел в соседний класс. Только я разложился на парте для обеда, слышу за дверью раздаются голоса.

— Надежда Алексеевна, вы вот все время хвалите Алексея Федоровича, а про нас даже слова хорошего не скажете, – в голосе, в котором я узнаю одну из наблюдателей Галю, сквозит обида.

— Ну, что вы Галина, я очень ценю вашу работу, вы все большие молодцы, — Надежда Алексеевна пытается успокоить обиженную Галину. Не уверен, что это ей удастся, голоса удаляются.

Возвращаюсь в зал, сажусь на свой одинокий стул в первом ряду, чувствую себя солистом хора филармонии. Справляюсь, как тут без меня была явка, явку фиксировать уже все забыли, надоела эта игра. Достāju телефон узнать, что там в моих чатах. И тут голос Надежды Алексеевны:

— «Алексей Федорович, что же вы без перчаток? Нарушаете санитарные нормы! Ну да, мыл руки, перчатки выкинул, а новые надеть забыл. Вообще я страдаю от перчаток, руки в них потеют через 15-20 минут, перчатки прилипают к коже. Кажется, вреда от них больше, чем пользы. В таких спертых условиях без доступа воздуха на

коже концентрируются и размножаются бактерии, и опасность заражения только возрастает. Жизненный опыт мне подсказывает, что спорить на эту тему бессмысленно, регламент у нас всегда преобладает над здравым смыслом. Внезапно понимаю, что перчатки закончились. Надежда Алексеевна тут же услужливо предлагает другие, на УИК в достаточном количестве поставляются одноразовые. Перчатки на УИKe латексные, ну что же попробую такие, может они лучше целлофановых. Скоро выясняется, что разница небольшая.

От дочери приходит сообщение:

— А мы только что голосовали с мамой.

— По-разному?

— В смысле, по-разному?

— Как проголосовала мама, я знаю точно, — мама у Насти ярый запутинец, что нередко является причиной наших внутрисемейных споров.

— Ну, конечно, по-разному.

— Свой человек!

Настя в ответ мне высылает смайлик.

— А вы с мамой в викторине участвовали? Выиграли чего-нибудь? Квартиру там, машину? — я, конечно, троллю, но, насколько мне известно, викторина была объявлена чуть ли не беспроигрышной, всем обещали по небольшому призу.

— Ага, выиграли, дырку от бублика!

Солнце уже заглянуло в громадные незашторенные окна зала и в помещении стало душно, избиратели давно не заходили, все как-то расслабились в послеобеденное время и тихо сидели на своих местах.

И вдруг в зале раздается храп. Один из членов комиссии, немолодой мужчина, дежуривший при избирательной урне, похоже, уснул. При этом он оставался сидеть на стуле, сохраняя боевую позу. В зале все пришло в движение. Пикантная ситуация внесла оживление в наши уже начинающие увядать, ряды. Вот чем хороша маска на

лице, она не только скрывает улыбку, когда тебя распирает от хохота, но и зевоту. Мой недосып уже догнал меня, и глаза слипались и тянуло в сон как и члена комиссии. Пошел сполоснуть лицо.

Вернувшись из туалета, я застаю такую картину: в зале несколько избирателей, двое сидят на стульях перед столиком регистрации избирателей. А в это время Роман Андреевич суетится перед установленным рядом с урной для голосования КОИБом и громко комментирует свои действия:

— КОИБ переключен в режим голосования, проводим тестирование недействительных бюллетеней!

Ага, значит, начали запланированное ранее тестирование. Вот так, прямо во время избирательного процесса? Здесь избиратели, а здесь комиссия тестирует КОИБы и запускает «недействительные бюллетени». Я стал снимать все это действие на телефон. Отправлю этот ролик юристам «Голоса», пусть оценят правовой аспект этого мероприятия.

Тут сразу появляется рядом Надежда Алексеевна

— Алексей Федорович, прекратите съемку, вы не имеете права снимать!

— То есть, как это не имею? Имею! Я дал вам заявление на съемку и предупредил, что буду снимать, могу предъявить заверенную копию, — отвечаю я, не прекращая съемки.

— Да, заявление мною получено, — вмешивается в разговор Татьяна секретарь.

— Но вы снимаете членов комиссии и избирателей, а это запрещено! — не унимается Надежда Алексеевна.

— Согласно регламенту, я имею право снимать должностных лиц и избирателей на участке, поскольку съемка производится в публичном месте и во время публичного мероприятия. Единственное, что мне запрещено, это съемка лиц крупным планом, но, как видите, я снимаю на расстоянии.

Против этого у председателя комиссии не нашлось возражения. И тут послышался голос сзади с рядов наблюдателей.

— А вы снимаете личные данные, а на столе лежат открытые книги избирателей, — в спор неожиданно вмешалась Галина.

— Какие личные данные с этого расстояния, вы о чем?

— Вот, смотрите, книги открытые, вы не имеете право снимать, — не унималась Галина.

— Ну, во-первых, с этого расстояния я никакие данные снять не могу, во-вторых, снимать я могу что угодно, что касается избирательного процесса. Это мое право наблюдателя. А вот выкладывать в публичный доступ персональные данные я не имею права. Законы надо читать внимательней!

— А скажите, Галина, — я уже прекратил съемку и обернулся к разгневанной женщине. — У вас задача за комиссией наблюдать или за другими наблюдателями?

— Моя задача предотвращать любые нарушения.

Вступать в перепалку с целой командой разгневанных женщин, а для меня вся их группа как единая сплоченная команда, у некоторых из которых ко мне, к тому же, появились личные мотивы для антипатии, мне показалось совершенно неуместным. Все, что я хотел снять, я снял.

Я пожал плечами и сел на свое место. И правильно сделал, потому что результата от моей съемки оказалось никакого. Я забыл переключить мобильник в режим съемки, и вместо видеоролика получил бессмысленный фотокадр. Вот растяпа!

День закончился, содержимое переносных ящиков и стационарной урны перегрузили в сейф-пакеты и заперли в сейф. Получил акты от Татьяны. Домой вернулся, голова уже никакая. Нет, сегодня надо пораньше лечь спать, завтра ответственный момент, последний день, подведение итогов, надо быть в форме. Сервера проверяю по минимуму. Все в порядке.

Утро следующего дня оказалось хмурым. Я решил не идти на участок к открытию, а сперва съездить проголосовать по месту прописки. Я долго не мог прийти к решению голосовать или нет. Дискуссия идти или бойкотировать расколола мнение оппозиции, с каждой стороны звучали убедительные аргументы. То, что при такой организации

голосования будут массовые вбросы, сомнения не вызывало, иначе зачем весь этот цирк? Власти организовали все это голосование, обставив совершенно неоправданными мерами и условиями. Без возможности равной состязательности сторон За и Против. Но ни бойкот, ни компания Нет, никак на ситуацию повлиять не смогли, оставалось самостоятельно принять решение. Сейчас, оглядываясь назад, я бы мог предложить более эффективную стратегию: объявить бойкот досрочному голосованию, а всем, кто голосует против придти в день голосования. Не я автор этой идеи, но она мне кажется более эффективной, чтобы день голосования превратить в массовую акцию «Нет», и явкой, которую намного сложнее фальсифицировать, тем более в один день.

Приехал голосовать на участок. Опытным глазом наблюдателя окинул обстановку. Ничего вызывающего. Выдали бюллетень, в книге избирателей проконтролировал строчку моего сына. Он формально прописан со мной в квартире, но давно живет за границей. Строчка Кирилла пуста. Взял бюллетень, зашел в кабинку, поставил галочку.

КОИБ заглотнул мой бюллетень, глянул на счетчик бюллетеней, я первый.

Когда приехал на свой УИК 2345, первое, что бросилось в глаза — появились новые наблюдатели. Молодая девушка гордо восседала на моем стуле в первом ряду, рядом поставили еще один.

— Здесь не занято? — спросил я у нее, свободных мест больше не было.

— Занято, — не обернувшись, холодно ответила девушка.

— Алексей Федорович, можете занимать этот стул. Роман Андреевич, принесите, пожалуйста, из соседнего класса, — распорядилась Надежда Алексеевна, оценив сложность ситуации.

Я достал из своей сумки планшет с документами, ручку и сел рядом с девушкой. Она строго смотрела впереди себя, не меняя позы и не обращая на меня внимания.

— Девушка, а вы из какой организации? — задал я вопрос, чтобы как-то завязать разговор. Но, вопрос мой не был услышан. Ну ладно не буду настаивать, нет так нет.

Я пошел к КОИБам, списал цифры с экрана. Теперь не надо отмечать галочками и следить за каждым пришедшим и путаться в показаниях. И явка за время моего отсутствия уже не будет потеряна из наблюдения. Оцениваю количество опущенных бюллетеней в прозрачных ящиках с цифрами на табло. Все сходится. Удовлетворенный возвращаюсь на свое место. И вот сюрприз мое место занято, на

нем сидит молодой человек и оживленно беседует с «моей» девушкой. Стул справа от нее, который был принесен Романом тоже занят другим молодым человеком. Ну не сгонять же мне их. Ситуацию разрешила Надежда, та самая, с которой мы ездили на выездное голосование в маскхалатах.

— Алексей Федорович, здесь стул свободный, идите ко мне.

Сажусь рядом с Надеждой.

— А вы не в курсе, Надежда, что это за ребята? — спрашиваю.

— Нет, никто из них не представился.

— Молчат как партизаны, даже на вопросы не отвечают, — продолжаю я с Надеждой свой негромкий разговор.

Описываю ситуацию в чате «Голоса».

— Они всегда молчат как партизаны, это проправительственные наблюдатели, — приходит ответ.

Тем временем прибывают участники голосования. Посещаемость на участке повысилась. То же наблюдается и на других участках. Мы обмениваемся в чате информацией о текущей явке.

Слева от окна подул свежим ветерком. Там из окна слышалась бодрящая музыка, оттуда веяло другой жизнью, о которой мы все присутствующие в зале совсем забыли. Изменилась и погода, пришла долгожданная прохлада, а небо заволочло тучами, и солнце уже не палило нещадно в огромные окна школьного зала. Меня потянуло к открытому окну. У окна спиной ко мне, облокотившись на подоконник, глядела на улицу Марина еще одна женщина из группы наблюдателей. Она не обернулась.

— Наконец-то солнце скрылось, — произнёс я в спину Марины, вдохнув полной грудью свежестью улицы.

— Да, прохладно, — Марина, наконец, оторвалась от созерцания школьного двора.

— Это вы, Алексей Фёдорович? Пришли подышать свежим воздухом?

— А вы сюда тоже от «Единой России»?

— Не совсем, я в ЖЭКе подрабатываю, попросили здесь поработать, вот я и согласилась. А вы сами как сюда попали?

— Я от «Голоса».

— Тоже за деньги?

— Нет, я волонтер.

— Я тоже сама по себе не от «Единой России». Что они дали? Я 20 лет пашу, света белого не вижу. У меня своя транспортная компания, мы с мужем начинали. И везде всё сами, никакой помощи, иной раз сутками работаешь. Грузы, перевозки, и везде всем дай, налоговая, менты, и этот «Платон» сейчас. А машина, сколько на неё надо: горючее и ремонты, а если авария не дай бог.

— Согласен с вами. Я в 2008 году ООО открыл, ни разу в отпуск не сходил. А на кого я все оставлю? Кроме меня некому. Все на мне и бухгалтерия и отчетность, а ещё работать надо.

— Вот вот, а эти не понимают, которые в офисах, бюджетники, мы для них барыги, нам деньги с неба сыпятся.

— Да, и президент, тут недавно в интервью, назвал нас жуликами.

— Вы знаете, Алексей Фёдорович у меня дочь недавно мне высказала, вот что ты со своим ИП, круглые сутки пашешь, а что заработала? От меня и муж ушел, — в её голосе слышалась невысказанная обида и горечь.

— Марина, а вы ходили голосовать?

— Да.

— И как проголосовали? — Я не ожидал однозначного для меня ответа. Сколько раз я сталкивался с парадоксальной ситуацией, когда люди просто не в состоянии связать причину со следствием, и несмотря на все свои жалобы на жизнь по прежнему восхищаются «великим» президентом.

— Я проголосовала против.

Все, что сказала Марина, было для меня довольно неожиданно. Я был уверен, что эти женщины, выполняющие роль статистов-наблюдателей на выборах, это сплоченная команда кондовых запутинцев. Жизнь оказывается более сложна и многообразна, чем мы её себе представляем.

— Алексей Фёдорович, а вы супчику не хотите? — такое неожиданное предложение прозвучало от тихони Надежды.

- От супчика не отказался бы, — я не мог сразу сообразить, с чего бы это Надежда задает мне такой вопрос. На минуту представилось, что наш участок помимо латексных перчаток и медицинских масок, снабжается еще и горячим питанием для удобства членов комиссии и наблюдателей.

— Ну, тогда пойдемте.

— Куда это?

— Ко мне домой. Пообедаем. Тут рядом, — лицо Надежды горело пунцовым румянцем.

Такое предложение было для меня полной неожиданностью, я не сразу сообразил, что стоит напомнить, что я тут наблюдаю.

- Идите, идите, Алексей Фёдорович, мы здесь за вас понаблюдаем, — со всех сторон хором запели мои тетушки. Лица их светились одобряющими улыбками.

Тут уж до меня дошла вся пикантность ситуации. Вот черти, что придумали! И какое коллективное единодушие! Нет, на амурные приключения я сегодня не настроен.

— Спасибо, конечно. В другой раз с удовольствием, но сегодня я перебыюсь своей картошечкой, — улыбаюсь я в ответ.

— Жаль, — глубоко вздохнув, Надежда отходит в сторону.

Рассказал историю коллегам в чате «Голоса» описываю, как «агенты деморализуют честную оппозицию». Со всех сторон посыпались советы «стойко держать оборону». Кажется, эта история всем подняла настроение.

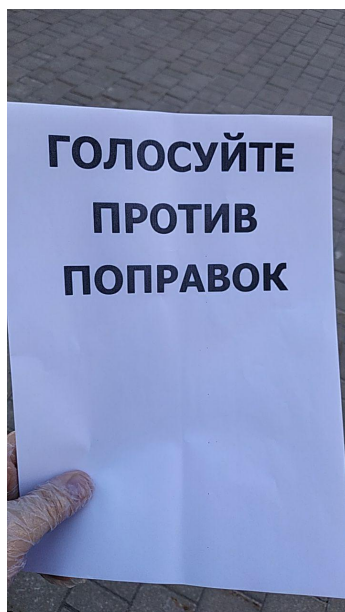
— Алексей Федорович, у вас больше нет к нам замечаний? — спрашивает меня секретарь Татьяна, когда я прохожу в очередной раз мимо ее стола к КОИБам, чтобы снять показание по явке.

- Есть. У вас на столе около стенда, лежит агитация за Поправки, и это в день голосования. Я отправил фото с этим материалом на «Карту нарушений».

— А вы разве не знаете, согласно Положению по общероссийскому голосованию, агитация на избирательных участках не запрещена, поэтому, Алексей Федорович, данный материал не является нарушением, — парирует Татьяна.

— Знаю. Тогда положите рядом вот это, — я достаю листок формата А4.

Татьяна меняется в лице

— Нет, я лучше уберу газету.

Я возвращаюсь на свое место, передо мной лежат два распечатанных листка под общим заглавием «Лист передачи данных». Первый листок — Анкета 1 «Досрочное голосование» — отправить до 18:00, второй — Анкета 2 «Итоги голосования» — отправить после 20:00. Это важные сведения, которые мне надо заполнить, собирают со всех участков наблюдения Альянсом независимых наблюдателей, в который входит и Голос для централизованной обработки. Некоторые из этих данных не публикуются в итоговых документах избирательных участков, в частности данные предварительного голосования и голосования на дому. Для официальной публикации итогов голосования они считаются промежуточными, а для независимых наблюдателей они являются важным источником информации для выявления фальсификаций во время голосования.

Старательно заполняю первую анкету, все данные по досрочке у меня уже есть, для второй анкеты, надо ждать подсчета итогов.

Теперь надо мобилизоваться, наступает самый ответственный момент — подведение итогов голосования. Надо оживить в памяти план действий: запросить от комиссии необходимые документы, пройти по пунктам и вспомнить все процедурные вопросы по подсчету бюллетеней и на что обратить внимание. Теоретическую

подготовку проходил под руководством Алексея Власова в «Голосе» еще два года назад. Для подстраховки пишу в чат: «Может кто-нибудь проведёт мобилизационное мини информирование перед финальным рывком. Болевые точки, на что особо обратить внимание?». Владимир Дорохов, Дмитрий Чигинский высылают инструкции, необходимые ссылки. Меня интересует момент загрузки бюллетеней из сейф-пакетов, это новая процедура. Выясняю детали. Особо надо обратить внимание на бюллетени, зарегистрированные по ошибочному акту от 26.06.20.

И вот время 20:00. Голосование закончено. Надежда Алексеевна торжественно объявляет, что перед подсчетом голосов, все кому нужно в туалет, пусть сделают это сейчас, потому что по регламенту при подсчете помещение должно быть заперто.

— Через 15 минут я дверь закрываю на ключ, и все кто остался за дверью, уже останутся там, ни входить, ни выходить никто не должен.

— Надежда Алексеевна, ну мы уходим? — Марина и Надежда еще двое из старых наблюдателей собираются уходить, остается только Галина.

— Да, конечно, спасибо за работу, вы свободны, — отвечает она. Вместе с ними покидают зал и двое из трех наблюдателей, которые подключились к наблюдению сегодня, и почему-то упорно хранили молчание о том, кто они и кого представляют. От их компании остается только одна девушка. Она по-прежнему сидит на стуле первого ряда.

Наконец, дверь закрывается, начинается подсчет выданных бюллетеней по книгам избирателей. Надежда Алексеевна объявляет время тишины, чтобы никто не сбился при подсчете.

— Никаких посторонних движений, девочки сосредоточьтесь на подсчете, мне больше ошибок не нужно! Пересчитайте дважды, не торопясь, чтобы все сошлось!

В зале повисла напряженная тишина, только слышен шелест переворачиваемых листов и скрип авторучек. Постепенно одна за другой члены комиссии заканчивают свой подсчет, и данные поступают секретарю. У одной что-то не сходится, она начинает нервничать. В зале нарастает гул голосов.

— Марья Николаевна, помогите ей, — призывает Надежда Алексеевна.

Вместе они, наконец, справляются с работой. Татьяна подводит цифры и вносит их в увеличенную форму протокола на стене.

— Итак, приступаем к загрузке бюллетеней из сейф-пакетов! — Председатель комиссии идет и открывает ключом сейф, достает первый пакет. Я встаю со своего стула и приближаюсь к столу, на который предполагается высыпание бюллетеней. Никто из остальных наблюдателей, не проявил должного интереса к процедуре. Девушка, из числа пришедших на участок сегодня, все так же молча напряженно сидит на стуле. Какую она собирается выполнять роль, не известно.

— Подождите! — говорю я, — как будет осуществляться перегрузка бюллетеней в КОИБы?

- Очень просто, — говорит Роман, — будем опускать каждый бюллетень в КОИБ, а что такого?

— Нет, — возражаю я, — необходимо пересчитать количество бюллетеней в каждом сейф-пакете отдельно. Нужно, чтобы число бюллетеней по акту совпала с количеством изъятых из пакета. Для этого нужен ручной пересчет по каждому сейф-пакету.

— Ну вы что, Алексей Федорович, так мы до утра здесь сидеть будем, — посыпались возмущенные возгласы на меня со всех сторон. — У нас там около тысячи бюллетеней!

— Давайте поступим так, — предлагает Роман, — в КОИБе есть счетчик опущенных бюллетеней, если зафиксировать цифру до опускания из очередного сейф-пакета и по окончании, то по разнице мы и проверим количество бюллетеней.

Мой мозг, отяжеленный, тремя ночами недосыпа, не сразу уловил подвох. Поразмыслив, я согласился, не найдя возражения. Так и решили. В процессе загрузки бюллетеней из первого сейф-пакета, я начинаю соображать: ну хорошо, количество бюллетеней в сейф-пакете мы узнаем, а если обнаружится несоответствие между этим количеством и количеством, прописанном в акте. Опа!

— Нет, — говорю, — это неправильно, надо вручную считать.

— Ну, почему? Ведь количество узнаем, — возражает Татьяна. Она сидит за столом, на котором уже лежат высыпанные бюллетени. По одному Роман их опускает в КОИБ, предварительно разглаживая сложенные листки.

И тут происходит то, на что я намекал. Последний опущенный бюллетень в КОИБ заканчивается на цифре 20, а по акту стоит 21! Накаркал!

Татьяна хлопает глазами. Вместе с Романом трясут пустой сейф-пакет. Тщетно!

Теперь, согласно протоколу, все бюллетени в сейф-пакете необходимо признать недействительными, а поскольку они уже перемешались с теми, что в КОИБе, я все бюллетени в КОИБе нужно аннулировать. Пауза. В зале звенит тишина.

— Нет, такого не может быть, — Татьяна снова судорожно осматривает сейф-пакет. И, о чудо, вытаскивает бюллетень! У всех присутствующих вырывается вздох облегчения.

— Прилип к стенке, — с просиявшим лицом говорит Татьяна. — Эти пакеты электризуются, и бюллетень тоже, поэтому его никак нельзя было вытряхнуть наружу. Все! Ведем пересчет вручную. Алексей Федорович, вы были правы!

Следующий сейф-пакет, как раз тот самый, по которому составлен ошибочный акт от 26 июня. Количество подсчитанных бюллетеней соответствует количеству выданных по акту. Проехали!

На стол высыпаются новые бюллетени. Татьяна громко объявляет номер сейф-пакета и дату. Я единственный из всех наблюдателей стою рядом и слежу, как Роман складывает бюллетени в стопочку, тщательно разглаживая согнутые, а Татьяна отсчитывает бюллетени, как опытный кассир пачку денег. Остальные наблюдатели, из тех, кто остался на подсчет итогов, так и сидят на своих стульях, издали смотря на происходящее действо.

— Двадцать один, двадцать два, двадцать три, — громко считает Татьяна, но неожиданно замолкает и останавливается.

У меня в руках акт, согласно акту число бюллетеней должно быть 24. Татьяна лезет в пустой сейф-пакет и шарит рукой по стенкам. Пусто. Пересчитывает снова. Потом просит коллегу ей помочь с пересчетом. Тщетно! На столе 23 бюллетеня, а должно быть 24.

— Надежда Алексеевна, одного бюллетеня не хватает, — объявляет она. — Кто у нас был на выездном 28 июня?

Она оглашает фамилии членов комиссии, которые выезжали с урной.

— Почему у вас не хватает одного бюллетеня?

Обе женщины ничего сказать не могут.

— Как так, у вас на глазах все бюллетени опускали в урну!

Надежда Алексеевна уже звонит по телефону.

Я обращаюсь в чат.

— У меня один сейф пакет не совпал! Нужно содействие!

— В нем больше или меньше бюллетеней? — отвечает Владимир Дорохов.

— В нем на один меньше. Я буду настаивать на аннулировании результатов по этому сейф-пакету?

— Человек мог унести бюллетень. У нас тоже на участке в одном пакете меньше на один, чем выдали в этот день. Я даже знаю, кто его унес. Недействительными в пакете признаются бюллетени, если там больше, чем в этот день выдано.

- Сейчас что, писать новый акт?

— Нет. В акте вписаны цифры выданных бюллетеней. Обнаруженные суммируются и в итоговый протокол записываются

— Тогда у них остаётся неверный акт?

— Почему? В акте число выданных бюллетеней. Человек может унести, это отражается только в итоговом протоколе. На актах цифры ВЫДАННЫХ, а не обнаруженных. Перед упаковкой в сейф-пакеты бюллетени не пересчитываются. Поэтому акт правильный. Выдали 24, 24 и записали.

— Понятно, акт не трогаем, а в итоговом протоколе утраченный бюллетень, отражается как?

— Нет, как отсутствующий. В протоколе есть строчки «число выданных бюллетеней» и есть «число, содержащихся в ящиках для голосования», эти строчки будут не совпадать. По данному вопросу я не вижу причин для протеста

— Спасибо! Все понял.

В это время на участок уже приехала женщина из ТИКа. Вместе с председателем УИКа они разбираются со сложившейся ситуацией. Я молча стою и жду их решения. Наконец представитель ТИКа оглашает решение, которое совпадает с тем, что мне подсказали в «Голосе». Составляется протокол урегулирования, представитель ТИКа удаляется, за ней снова закрывается дверь на ключ. Возобновляется подсчет. Татьяну подменяет Марина. Остальные члены комиссии бездействуют, в зале стоит гул голосов, всем уже надоела затянувшаяся процедура.

— Все. Я больше не могу, — восклицает председатель комиссии, выпустите меня наружу.

— Надежда Алексеевна, нельзя же по протоколу, это нарушение, вы сами говорили, — это уже говорят ей не я, а сами члены комиссии.

— Ну, а если я в туалет хочу! — восклицает Надежда Алексеевна. Она достает телефон и кому-то звонит. — Семеныч, у тебя самогоночка осталась? Не могу здесь больше! Дурдом какой-то!

Я хватаюсь за голову, меня разбирает хохот. Нет, надо закрепить ношение масок на избирательных участках навсегда, иначе заразительный хохот парализует деятельность комиссии.

И вот опущен последний бюллетень. Роман объявляет: «КОИБ переводится в режим подсчета итогов голосования». Машина безучастным официальным голосом оглашает итоги.

Наконец-то получаю копию итогового протокола у Татьяны. Половина членов комиссии уже разошлось по домам. Время больше двух часов ночи. Я прощаюсь со всеми и выхожу из зала. На лестнице сталкиваюсь нос к носу с Надеждой Алексеевной. В обеих руках ее сейф-пакеты, заполненные погашенными бюллетенями, теперь это уже мусор. Взгляд у нее расфокусированный, ее несколько

пошатывало, похоже, просьба о самогонке, высказанная по телефону, была удовлетворена. Я предложил ей помощь. Ответ прозвучал в сторону, не глядя на меня:

— Не надо! Ходят тут, ерундой занимаются, наблюдатели! Лучше бы на заводе пахали! Пользы больше было бы.

Я тяжело вздохнул в ответ. Не было у меня в намерениях обидеть эту пожилую, в общем-то, симпатичную женщину. Возвращаясь домой, голова как арбуз. Отправляю итоговую анкету. На часах 3:20. Все, спать!